

— Хватит уже накручивать себя. Мало кто помнит что-то до шести лет. Я, например, не помню ничего даже из начальной школы, — Тянь Чжэ облизал сухие губы, намеренно сменив тему. — Ты что-нибудь публиковал в последнее время? Я уже несколько раз перечитал те журналы, которые ты приносил. В туалете стало скучно.

Он усмехнулся:

— Значит, ты каждый раз берёшь эти журналы только для туалета?

— Не для того чтобы подтираться, если ты об этом. Это же туалетное чтение, понимаешь?

После этих слов Су Шэнь не ответил, и наступила короткая пауза, создавая немного неловкую атмосферу. В руках Су Шэня шуршала обёртка от конфеты, издавая характерный пластиковый звук.

Когда Су Шэнь был в плохом настроении, он предпочитал оставаться один. Честно говоря, атмосфера в классе, где 45 минут тишины сменялись 10 минутами хаоса, его угнетала. Поэтому он провёл весь день в мясной лавке Тянь Чжэ.

Делать было нечего, даже прогуливая школу, он сидел за столом, заваленным тестами.

Тянь Чжэ, в перерывах между работой в лавке, с термосом в руках, как начальник на инспекции, обходил Су Шэня, словно рассматривая редкое животное. На самом деле, хотя Су Шэнь и был успешен в учёбе, ему трудно было сосредоточиться. Малейшее отвлечение — и он терял нить. Тянь Чжэ приходил и уходил несколько раз, и Су Шэнь так и не смог решить ни одной задачи по математике.

— У меня что, пять ног? — раздражённо постучал Су Шэнь ручкой по столу.

— Нет, — Тянь Чжэ усмехнулся. — Просто я никогда не видел, чтобы кто-то специально прогуливал уроки, чтобы делать тесты.

— Мы знакомы столько лет, и я никогда не говорил, что я нормальный.

— Раньше я думал, что ты просто немного странный, но не на таком уровне, — Тянь Чжэ взглянул на разбросанные по столу обёртки от конфет. Тот, кто любит такие конфеты, действительно не может быть нормальным.

После нескольких слов с ним Су Шэнь окончательно потерял настрой на учёбу. Он посмотрел на время: уроки уже должны были закончиться. Сейчас самое время вернуться в школу за портфелем.

Собрав оставшиеся конфеты в один пакет, он помахал Тянь Чжэ:

— Мне пора.

Не дожидаясь ответа, он начал двигаться к выходу.

— Подожди! — крикнул Тянь Чжэ, торопливо доставая из холодильника пакет с мясом и догоняя его. — Слушай, это мясо — для бабушки.

Су Шэнь никогда не был тем, кто любит спорить или отказываться. Даже если Тянь Чжэ не сказал бы этого, он бы, вероятно, отказался лишь один раз. Он взял пакет и сказал:

— Понял.

Тянь Чжэ помахал ему на прощание.

По дороге Су Шэнь продолжал быть вялым. Сон не выходил у него из головы.

Ему снилось, что он стоит на коленях, ползёт, потому что так нельзя быстро двигаться, и весь покрыт пылью.

Он не мог понять этого.

Он машинально коснулся своих ног.

Никаких воспоминаний. О своём детстве он мог судить только по фотографиям: его родители и он сам, улыбающиеся.

Тогда он ещё мог бегать, прыгать, стоять.

Из-за того что он весь путь был погружён в свои мысли, к тому времени как он добрался до школы, территория уже опустела. Солнце висело на краю крыши, словно умирая, а охранник в будке дремал.

Сбоку от здания школы была небольшая платформа треугольной формы. Пространство под ней использовалось как водокачка. Из-за своего уединённого расположения оно стало местом, где процветали все школьные грехи.

Су Шэнь не мог подниматься по лестнице, поэтому каждый раз ему приходилось подниматься на второй этаж по наклонной части платформы. Он уже привык к дракам, романам и курению здесь, обычно просто игнорируя происходящее.

Но на этот раз группа, готовящаяся к драке, заставила его задержать взгляд.

Гу Янь из их класса собрал группу вокруг Сун Хайлиня.

У Гу Яня было человек пять, и они выглядели устрашающе. Су Шэнь, несмотря на свою близорукость в сто градусов, осмотрел всех, но не вмешался.

Сун Хайлинь в толпе успел встретиться с ним взглядом.

Молодец, подумал Су Шэнь, но ничего не сказал и не стал вмешиваться, медленно хватаясь за перила, чтобы подняться наверх.

Домашние задания по всем предметам были записаны на доске. Он надел очки, стал переписывать и собирать нужные книги. Через некоторое время рюкзак был полон. Он взглянул на коробку с едой на углу стола и, сам не зная почему, усмехнулся.

Он провёл в классе около десяти минут, и, как только вышел, увидел, как Сун Хайлинь поднимается по лестнице, перешагивая через две ступеньки. Его чёрная толстовка с капюшоном была аккуратной, словно он только что не участвовал в драке.

Только уголок рта был слегка расцарапан.

Су Шэнь знал, что так и будет. Люди, которых собрал Гу Янь, были такими же, как он сам, — трусами. Если бы они сражались, Сун Хайлинь, возможно, не смог бы справиться с ними. Но, судя по тому, как он раньше справлялся с Гу Янем, вероятно, даже не пришлось бы драться — достаточно было бы просто напугать их.

Когда до верха оставалось три ступеньки, Сун Хайлинь вытянул ногу, собираясь перепрыгнуть их, но, увидев Су Шэня у двери класса, передумал и спокойно поднялся по ступенькам.

Су Шэнь заметил это движение и мысленно выругался:

«Идиот».

Сун Хайлинь уже собирался пройти мимо, но Су Шэнь вдруг протянул руку, держа в пальцах маленький пластырь.

Пластырь был розового цвета, с изображением Тома и Джерри.

Он взял пластырь, но Су Шэнь не отпускал.

Местные здесь не любят чужаков. Лучше быть осторожным, если Гу Янь объединится с теми, кто за пределами школы, тебе не поздоровится. Су Шэнь хотел предупредить его, но потом подумал, что это бесполезно.

Не хотел предупреждать, да и пользы от этого не было.

Только тогда он отпустил пластырь.

Сам взял конфету и положил её в рот, машинально сжимая обёртку двумя руками.

— Дай мне одну, — вдруг сказал Сун Хайлинь.

Неожиданный голос заставил Су Шэнь вздрогнуть. Он посмотрел на него и тихо ответил:

— Не дам.

Сказав это, он одной рукой продолжал мять обёртку, а другой начал двигаться к выходу с платформы.

Сун Хайлинь смотрел ему вслед, облизывая губы. Ему действительно хотелось попробовать эту конфету. Обычно он не любил сладкое, но звук, с которым Су Шэнь мял обёртку, вдруг вызвал у него желание узнать, каков этот вкус.

Звук мятой обёртки становился всё тише, пока Су Шэнь не свернул за угол, и он полностью растворился в окружении.

Сун Хайлинь случайно взглянул на стену в коридоре, где висел тёмно-красный круг.

— Чёрт! — выругался он.

Неужели этот резкий звонок на перемену исходил отсюда? Вот почему он так громко звучал — источник был прямо у их класса! Какой кошмар.

Дом бабушки Сун Хайлиня находился в неоднозначном месте. По сути, эта земля относилась к деревне Наньпин в волости Циншуй, но пару лет назад её включили в зону развития посёлка. Несколько местных чиновников из Наньпина плакали и кричали, выступая против этого, и дело застопорилось. Сейчас, чтобы избежать конфликтов, обе стороны, хоть и жаждали заполучить эту землю, не решались заявить на неё права, оставив её в подвешенном состоянии.

Если не брать в расчёт официальные границы, то дом Сун Хайлиня находился практически в

центре посёлка.

Когда Сун Хайлинь подошёл к дому, бабушка Сун, держа в руках миску с супом из горькой тыквы, громко разговаривала с группой людей своего возраста у входа в переулок.

— Сын старика Ян — это просто беда. Уже за тридцать, а жену домой не ведёт. Его мать каждый день ко мне приходит и ноет.

— Ну, пусть не ищет, это лучше, чем жена семьи Гу, которая требует купить дом в уезде, иначе замуж не пойдёт. Уже больше года скандалят.

Сун Хайлинь медленно позвал:

— Бабушка.

Бабушка Сун, увлечённая разговором, на ходу ответила и продолжила:

— Ну, в этом нельзя винить жену. Кто сейчас женится без покупки дома?

Только после этого она, наконец, взглянула на своего неудачливого внука:

— Что с твоим ртом?

<http://bllate.org/book/15285/1350481>